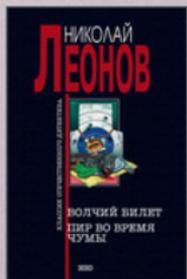

Николай Леонов

Пир во время чумы

*Часть сборника
Волчий билет. Пир во время
чумы (сборник)*

Николай Иванович Леонов

Пир во время чумы

Серия «Гуров», книга 28

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121012

Николай Леонов Пир во время чумы: Эксмо-Пресс; Москва; 1999

ISBN 5-04-003030-4

Аннотация

Сыщики экстра-класса полковники милиции Лев Гуров и Станислав Крячко сделали, казалось бы, невозможное. На борту самолета, следующего из заштатного городка Котунь в Москву, они везут не только убийц депутата Госдумы Галины Старовой, но и стволы, задействованные в убийстве, и письмо, которое может вывести на заказчика преступления. Все бы хорошо, но «сыскари» не уверены – приземлится ли самолет в Москве, если вообще приземлится? И кто встретит их на поле аэродрома?

Содержание

Памяти друга	4
Пир во время чумы	9
Пролог	9
Глава 1	13
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Николай Леонов

Пир во время чумы

Памяти друга

Вы взяли в руки последнюю повесть Николая Леонова, больше он ничего не напишет. 13 января 1999 года его не стало.

За несколько дней до Нового года я позвонил ему, чтобы поздравить, пожелать здоровья, долгих лет и всего того доброго, что желаешь близкому и дорогому человеку. Мне хотелось уехать в деревню, в снега. Николай мне не позавидовал, он был городским человеком. Веселым голосом, но кратко, в обычной своей сдержанной манере он сообщил, что вот только что – прямо сейчас! – он поставил последнюю точку в новой повести.

Я знал, что в этой его вещи расследуется убийство депутата Государственной думы Галины Старовой. И это написано всего через несколько месяцев после убийства Галины Старовой, когда следствие топталось в версиях и ничего фактически реального не имело в руках. И вот Леонов выдвигает свою версию!..

«Смелый человек ты, Коля!» – «Ну, ладно, прочтешь – узнаешь!..»

Теперь эту последнюю повесть Николая Леонова мы берем вместе с тобой, читатель!..

Должен поделиться одним наблюдением, почти мистическим. Человек вовсе не суеверный, несколько раз я замечал, как тексты Леонова – те ситуации, которые он придумал в своей книге, потом сбывались в жизни реальных людей, его прообразов. Причем порой весьма жестоко. Что ж, Николай Леонов накликал на них беду? Нет, скорее иное: он умел слишком глубоко проникать в скрытые механизмы нашей жизни и таким образом мог предугадывать, как будут развиваться события в реальных судьбах людей.

Мысль о странно сбывающихся предсказаниях Леонова, оказывается, приходила в голову не только мне. О том же рассказывает Гуров, но не Лев Иванович, любимый литературный герой Леонова, а Александр Иванович Гуров, лицо вполне конкретное – генерал-майор милиции, случайный однофамилец знаменитого сыщика. А.И. Гуров тоже в своем роде лицо замечательное: он первый громко заявил о надвинувшейся на Россию опасности в лице мафии, был поставлен во главе борьбы с организованной преступностью. Честный, неподкупный, принципиальный, он, как и леоновский Гуров, не раз оказывался «не ко двору»... Так вот, А.И. Гурова поразило, как точно Леонов предугадывал его судьбу: сначала снимают Гурова в повести, а потом и его самого в реальной жизни. Точно так же возвращение Александра Гурова в милицию снова на ответственную должность произо-

шло вскоре после того, как литературный Лев Гуров опять же возвращается в Главк и приступает к оперативной работе. «И так каждый раз! Эти совпадения – прямо какая-то мистика...»

Возвращаясь к последней повести Н. Леонова, невольно задумываешься: а что же выяснится в результате следствия по убийству Галины Старовойтовой? И узнаем ли мы правду о настоящих заказчиках убийства? И когда узнаем – может быть, через пятьдесят лет, когда эта правда будет никому не опасна?.. Во всяком случае, Леонову я больше верю – его версия убийства Галины Старовой убеждает! И кроме того, есть в его рассказе подкупающая наши сердца правдивость и смелость, с которой он проникает на самые верхушки власти и там видит корни бед, поразивших Россию.

Да, как писатель детективного жанра, Николай Леонов был виртуозным выдумщиком, умел так закрутить интригу, что даже самый искушенный читатель не мог вперед угадать, что будет дальше в повести Леонова. Но огромная его популярность у читателей происходила не только от этого. В конце концов, выдумывать и закручивать умел не только он... Леонова любили и долго еще будут любить за то, что в его повестях находит удовлетворение наше сильно ущемленное в ежедневной жизни чувство справедливости. При чтении Леонова с наших глаз спадает пелена лжи, которой окутан механизм принятия решений на высшем уровне, мы начинаем видеть, как смыкаются с преступным миром руководя-

щие эшелоны управления. Как людей там покупают и продают, как съедают противников и тому подобное...

Как же нам тогда жить? Не в тех эшелонах, а на матушке-земле?.. В ответе на этот вопрос, который дает Леонов, тоже секрет того, что миллионы зачитываются его повестями. А ответ его в том, что со злом можно бороться – мужественно, бескомпромиссно – как это делает сыщик Гуров. Это не Рэмбо, не супермен, умеющий летать быстрее ракеты и останавливать землетрясение, не победоносный Агент 007, целующий блондинок. Гуров часто проигрывает, власти кладут под сукно его неопровержимые доказательства коррупции, взяточничества, с которыми он сталкивается в верхах. Но он продолжает делать свое дело, несмотря ни на что. Ловит убийц, оправдывает невинных, помогает подняться тем, кто споткнулся. В его образе торжествуют добро и честь на нашей исстрадавшейся, изверившейся русской земле!..

Лев Гуров – надежный друг, у него верное, любящее сердце, он веселый, ироничный, прирожденный лидер. Вот таким был и сам Николай Леонов. Таким мы его знали, любили и будем помнить.

Николай Леонов – боец, умевший трудиться каждый день. И это еще с молодости – он выдающийся спортсмен, капитан, а потом тренер сборной Союза по настольному теннису. Как и его литературный герой, он сам был сыщиком, служил в МУРе – не в канцелярии, не перекладывал бумажки со стола на стол, а ловил жуликов, что называется, своими руками.

Он все делал упорно, точно, неостановимо. Так он стал писателем – по многу раз переписывая свои первые повести. Мы, друзья, поначалу не очень серьезно относились к новому увлечению Леонова. Но он день за днем делал свое дело, выпускал книгу за книгой. И сегодня можно несомненно сказать, что повести Леонова, особенно его цикл про сыщика Гурова, – это далеко не безделки, которые читают с увлечением, лишь бы убить время. Страницы Леонова – это проза, исполненная высоких чувств, благородства. Думаю, сегодня мы потеряли Писателя № 1 в отечественном детективном жанре.

Он скончался в Иркутске. После Нового года ему стало плохо, и он полетел поправить здоровье к своему приятелю в медицинский центр. Его с трудом сняли с самолета, поместили в отдельную палату, где он и умер, как говорят, в четыре утра, во сне. Кто знает... Может быть, он и проснулся в последний миг – от мучительной боли в груди. И так лежал в тоске и одиночестве, пока последний вечный свет не залил его глаза.

КИМ БАКШИ

Пир во время чумы

Пролог

Полковники милиции Лев Иванович Гуров и Станислав Васильевич Крячко занимали один кабинет и сидели за своими столами визави. Они познакомились больше двадцати лет назад, еще работая в МУРе. Хорошо узнав друг друга, они стали близкими друзьями. Впрочем, время от времени они ссорились, в таких случаях изъясняясь одними междометиями. И Станислав, от природы весельчак и балагур, и Гуров, сдержанный и ироничный человек, – оба понимали, что достигли потолка карьеры и не двигались уже много лет по служебной лестнице вверх не оттого, что начальство их не пускало. Просто сыщиков вполне устраивало их положение, их должность. А называлась она так: старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России.

Их начальник и друг генерал Петр Николаевич Орлов знал оперативников с первого дня их службы в МУРе, высоко ценил как профессионалов, любил как верных друзей, которые никогда не подведут.

Каждый опер любого подразделения Москвы, прослужив-

ший хотя бы два года, не мог не знать начальника Главка Орлова и оперов-важняков Гурова и Крячко. Если кто-то из оперов районного отделения ни разу не видел их лично, то все равно он был уверен: такие начальники есть, и они не служат, зарабатывая чины, а пахнут, как любой оперативник, только разбираются в сыскной работе лучше их, хотя никогда этим не кичатся, к чужим делам не примазываются и за спиной нижестоящего не хоронятся. Если могут помочь – всегда помогут, а провинишься – так и спросят, не прибегая к услугам непосредственного начальства. Нельзя сказать, что все сыщики столицы обожали эту троицу – жизнь и служба у всех складываются по-разному, – но их, безусловно, уважали и в меру побаивались.

В это хмурое ноябрьское утро Гуров и Крячко на своих рабочих местах читали присланные из канцелярии бумаги и молча обменивались прочитанными страницами. Это были копии телевизионного интервью в программе «Итоги», интервью в программе «Час пик» и депутатский запрос одной из думских фракций на имя премьера правительства.

Ничего секретного в документах не было. Интервью недавно прошли по телевидению, а запрос публиковался в газетах, но сыщики часть передач пропустили и запрос группы депутатов главе правительства читали урывками.

Поскольку разговор шел о коррупции в правительстве, Гуров как старший группы попросил изготовить копии, чтобы

ознакомиться с документами не торопясь, основательно.

Станислав отложил последнюю страницу, аккуратно сложил все бумаги в папочку, взглянул на коллегу и равнодушным тоном спросил:

– Ну и что? Мы уже слышали о чемоданах компромата Руцкого. О разоблачительных материалах покойного генерала Рохлина. Одного чудака задержали у Белого дома с полутора миллионами долларов на руках. Все было! И ничего не изменилось!

– Тебе это нравится? – поинтересовался Гуров.

– По мне такая погода отвратительна! – Станислав пожал плечами. – Но музыку не я заказываю.

Гуров задумчиво смотрел на друга, молчал. Станислав раздраженно продолжал:

– Депутаты обращаются к правительству с конкретными вопросами о коррупции, а им отвечают: мол, предъявите доказательства, тогда и будем разговаривать. Если имеются доказательства, так нечего и разговаривать. Прокуратура обязана возбуждать уголовное дело, привлекать сановных чиновников к ответственности, проводить расследование, передавать материалы в суд. В любом случае нас это не касается. Пусть верха разбираются между собой.

– А когда нас коснется? – спросил Гуров. – Когда появится труп? Конечно, труп – материя конкретная. Подождем? Получим труп и задрав хвосты бросимся искать киллера?

– Не торопись, командир... Жизнь прекрасна. – Стани-

слав развернул «МК-Бульвар». – Смотри – «Жестокий ангел». «Новые приключения Синдбада». «Клубничка» – сериал такой, «Белое проклятие» – опять сериал. Считаю. Двадцать семь сериалов по шести программам. Гляди и радуйся. А вы, господин полковник, все про убийства да про диверсии...

Глава 1

Гуров шел на работу пешком, шагал широко, если на пути возникали замерзшие лужи, решительно перепрыгивал. От Никитского бульвара до министерства было недалеко, но и не сказать чтобы близко, километра два с половиной. Такой прогулкой, поддерживающей физическую форму, сыщик заменял утренние пробежки, которые терпеть не мог. Он вышел на Каменный мост и прибавил шагу, стараясь не запыхаться на длинном подъеме. Миновав Дом Правительства и кинотеатр «Ударник», Гуров с огорчением отметил, что дышит тяжело, отдувается, и тут же возле него тормознул «Мерседес». Понятно, Станислав... Гуров был доволен, что можно прекратить издевательство над собственным организмом, при этом избежать признания, что, мол, сдался: глупо упрямо шагать, когда рядом катит авто.

Станислав обогнал друга, остановился, открыл переднюю дверцу.

– Здравия желаю, вы в прекрасной форме, господин полковник, – сказал Крячко, когда Гуров опустился на сиденье рядом. – Я не подкальываю, констатирую факт. Заставь меня так шагать, помер бы, ей-богу.

Гуров молчал, едва переводя дыхание, злился, но не выдержал и рассмеялся:

– Не хотелось бы приобрести животик, как у некоторых.

– Некоторые не претендуют на звание суперменов, не женаты на красавице-актрисе, несут свои годы скромно и достойно. – Станислав вздохнул. – Сто лет тебя знаю, а не могу привыкнуть к твоему упрямству.

– Самое смешное, я тоже к своему упрямству привыкнуть не могу, – ответил Гуров, достал из кармана пальто сигареты, вздохнул и убрал пачку назад. – Первая сигарета – только в кабинете. Я знаю, что похож на пожилого мальчишку, но, как говорится, что выросло, то выросло.

– Выросло, выросло, и все об этом знают, доказывать некому. – Станислав посмотрел в зеркало, покачал недоуменно головой. – Вроде мы сейчас ничем особенным не занимаемся, а синий «БМВ» был у меня на хвосте на Трубной, сейчас объявился вновь.

– Не ошибаешься? – Гуров хотел повернуться и удостовериться, но удержался.

– Обижаешь, – усмехнулся Станислав. – И чего меня «вести», когда известно, куда я еду?

– Сейчас обгонит, – сказал Гуров.

И угадал, глядя на «БМВ», который действительно поравнялся с их машиной и ушел вперед.

– А знаешь, почему они тебя бросили? – Гуров все-таки закурил. – Ты принял в машину меня, а ждали кого-то другого.

– А может, просто тренируются? – задумчиво спросил Станислав. – Тачка не наша, не ментовская. У ФСБ совсем,

что ли, работы нет? Странно.

– Плюнь и забудь, чего только в нашей жизни не случается, – успокоил Гуров.

Станислав взглянул на него и согласно кивнул, отлично зная, что сам Гуров никогда подобных вещей не забывает.

Сыщики вошли в здание министерства, в коридоре возле открытой двери приемной своего начальника остановились. Секретарша генерала из «старых» кадров, работавшая в Главке почти десять лет, отвлеклась от компьютера, махнула рукой и громко приветствовала их:

– Доброе утро, господа, вас ждут.

– Здравствуй, Верочка, – стоя на пороге, ответил Стас. – А я гадаю – с чего это ты дверь открыла? Или поджидаешь кого?

– Классный ты сыщик, Станислав, – ответила Верочка, улыбаясь.

– Приятно слышать, девочка. Сейчас снимем пальто и явимся. – Станислав кивнул.

– Закрой дверь, и шагайте.

– Здравствуйте, здравствуйте, – задумчиво ответил генерал на приветствие вошедших офицеров. – Проходите, садитесь. Лева, может, курить?.. – Орлов перелистал лежавшие перед ним документы. – Помню, было время, когда вы являлись за час до звонка, теперь приходите за минуту, начальниками стали, понятно.

Гуров и Крячко надевали форму довольно редко, сыщики, они и есть сыщики: могли в любой момент выехать в город, и сверкать погонями им было ни к чему. Орлову же приходилось носить мундир постоянно, он редко выезжал на место преступления, чаще его вызывало высокое начальство, и приходилось соответствовать. Хотя Орлов терпеть не мог тесного мундира, вот и сейчас, сунув палец за воротник, дернул с остервенением – пуговица отскочила, и генерал вздохнул с облегчением. Он внимательно взглянул на Гурова, затем на Крячко, сказал:

– Телевизор не включаете, газет не читаете. Хотя сегодняшние газеты еще не успели дать сообщение. Вчера в Москве убита депутат Думы, известная правозащитница Галина Старова.

– Дожили. – Станислав поморщился.

Гуров возился с сигаретами, как бы между делом спросил:

– Президент взял дело под личный контроль?

– Не изображай из себя шута! – Орлов шарахнул кулаком по столу. – Человека убили! Женщину! Депутата! А ты – старший оперуполномоченный по особо важным делам...

– Извини, Петр, я помню, кто я, – перебил Гуров. – Убежден, прокуратура на месте, ФСБ на месте, им менты-сыщики только помеха.

– Не ерничай, черт тебя побери! – расшумелся Орлов. – Край надо знать! Человека убили.

– Я считаю, что все края закопали в Чечне, – дерзко от-

ветил Гуров. – Там тысячи неопознанных человеческих трупов. А в Москве убивают ежедневно и депутатов, и финансистов, и банкиров. Сейчас в этом обвиняют ребят из ФСБ. Так что извините, господин генерал-лейтенант, я не вижу, чем сегодняшнее преступление отличается от всех предыдущих. Нас вот даже не подняли, не оповестили, значит, власти того же мнения. И личный контроль Президента нам не в новость.

– Прения прекратили, я согласовал вопрос с руководством, вы оба отправляетесь в командировку.

– В Питер? – спросил Станислав.

– Там людей хватает. – Орлов провел короткопалой ладонью по лицу, словно отер пот. – Отправитесь в Котунь. – Генерал взглянул на Гурова. – Тебе город знаком?

– Да уж. – Гуров вздохнул. Он в этом городе три года назад схватился насмерть с местной коррупцией, чудом остался жив. – Извини, а почему именно туда?

– Убийство совершено из американского оружия – пистолета «беретта-гардонс» и пулемета «агран-2000». В Котуни неделю назад из аналогичного оружия был убит крупный местный авторитет по кличке Сазан. А вообще в России подобное оружие – большая редкость. Вот я и хочу выяснить, откуда ноги растут. Приказ подписан, командировки готовы, вылетаете завтра утром.

Станислав молчал, тут не до шуток, а в серьезных вопросах его слово последнее.

– И как ты представляешь нашу поездку? – спросил Гуров. – Являемся в управление, докладываем, что говорим? Через несколько минут о нашем прибытии знают все: и чистые, и нечистые. И, конечно, ФСБ.

– Честно?.. – Взгляд у генерала был немного растерянный. Если честно, Лева, то я не знаю. В розыске сорок лет, а такого беспредела не видел и даже представить подобного не мог.

– Понимаю. – Гуров кивнул. – А какая формулировка в приказе по министерству? Кто захочет, узнает мгновенно.

– Формулировка обтекаемая и лживая. Проверка в управлениях УВД личных и рабочих дел, находящихся в производстве у оперсостава. Город не указан, – ответил Орлов и горько улыбнулся.

– Стыдоба, конечно. Открытое заявление, что мы никому не верим. Я рассчитываю на твои связи в Котуни.

– Значит, в гостинице не селиться, – подвел черту Гуров. – Связи в городе у меня были, но неизвестно, кто остался. Документы прикрытия?

– Там большой рынок пушнины.

– В которой мы ничего не понимаем, – не удержался Станислав.

– Можно встретиться с генералом Соломатиным, – сказал Орлов. – Он был у меня, смотрится как человек порядочный. Молодой, образованный, никаких связей с коммунистами. Месяц назад на него было покушение, чуть не ежемесячно я получаю на него доносы.

– Это хорошо, и можно использовать. А что, Петр, если мы явимся официально, поселимся в гостинице, представимся Соломатину и начнем проверять дела. Но из нашей работы станет ясно, что мы-то проверяем полученные тобой письма? Ведь нас интересуют именно те силы, которые жаждут генерала съесть. Я принимал непосредственное участие в ликвидации его предшественника. Большинство старших офицеров сменилось, но кто-то остался, меня должны помнить... – Гуров посмотрел вопросительно.

– Ты в тот год устроил там страшный погром, – заметил Орлов. – Если найдется человек, который тебя вспомнит, – тебе ни за что не поверят, что ты сменил масть.

– В том-то и дело, Петр, что я масть не менял. Это бывший генерал Фомин Илья Николаевич оказался правящим людям не в масть. Оттого и драка случилась. Такая у меня будет версия. И разрушить ее некому. Кто со мной столкнулся вплотную – либо умер, либо в тюрьме устроился на долгие годы. Значит, сегодня остались одни слухи. – Гуров выдержал паузу. – А по слухам, полковник Гуров – крутой опер, имеет большие связи, и только.

– Можно? – Станислав по-ученически поднял руку.

Орлов усмехнулся, кивнул.

– Я вижу в данном предложении еще один серьезный плюс, – начал Станислав. – Для местных полковник Гуров – фигура крупная и опасная, его нынешняя окраска неизвестна. А я сыграю роль заштатного милицейского чинуши без

политической ориентации, этакого бумажного зануду. Потолок моих интересов, как у ординарного проверяющего – выявить недостатки. В этом моя суть, даже смысл жизни. Как у собаки – взять след. А у какого опера в личных и рабочих делах агентуры полный порядок? Я, разумеется, нахожу, что требуется, возможно, и криминал, и начинаю «втихую» от Гурова оперативника потрошить. Если он связан с авторитетами, я его колю до основания, заверяя, что в итоговый рапорт он не попадет. А нам рапорт и не важен, нам необходима истина. И если в криминальных структурах проходили стволы американского изготовления, я узнаю об этом первый.

– И последний, так как тебя мгновенно убьют, – вставил Гуров.

– А это вряд ли, – парировал Станислав. – Застрахуемся.

– Стоп-стоп, ребята, вы еще в Москве, не вышли из моего кабинета, а начинаете уже работать. Выезжайте на место, не торопитесь, ориентируйтесь, держите со мной связь. – Орлов встал, проводил офицеров до дверей, глянул на Гурова и как бы между прочим спросил:

– Твоего приятеля, кажется, зовут Лев Ильич Бунич?

– Кажется. Неизвестно только, жив ли он и на чьей платформе, – ответил Гуров.

– Поедем ко мне, – сказал Гуров, усаживаясь в «Мерседес» друга. – Свою машину я оставляю здесь, позже ты при-

гонишь сюда и свой «лайнер». У Марии сегодня спектакля нет, должна быть дома.

– Ты меня не обрадовал, – хмыкнул Станислав. – Честно говоря, столько времени твою Марию знаю, а привыкнуть не могу. Для нормальной жены она слишком красива... и умна.

– Согласен, я сам не привыкну, но думать следовало раньше. А вообще каждый мужик имеет такую жену, какую заслуживает. – Гуров победно рассмеялся.

Станислав схватился за грудь. От наглости друга у него перехватило дыхание.

– Наглец и хвостун! – после паузы выпалил он.

– Хочешь докажу? – улыбнулся Гуров.

– Пробуй, интересно послушать.

– Мария красива, умна, и у нее имелся выбор, примерно как в ГУМе. Согласен?

– Ну? Предположим... Изящная, хрупкая женщина. Да ты ее просто задавил, – не сдавался Станислав.

– Скажи ей об этом, схлопочешь по физиономии. – Гуров усмехнулся. – Полагаешь, что это я, покоритель секретарш и продавщиц, сумел задавить такую женщину, как Мария Строева? Даже не смешно. На каждой ступеньке нашего романа все решала только Мария. Я лишь держался. Достойно. И видит бог, сколько сил мне потребовалось. Скажу как другу – экзамены сдаю ежедневно, но стоит мне пару раз промазать – она уйдет.

– Черт побери! И ты считаешь такую жизнь нормальной? –

вспылил Станислав.

– Временами. Но в принципе я живу той жизнью, какая у меня есть. Мария такая, какая есть, ей уже под сорок, смешно и глупо переделывать ее. К тому же она любит меня, а тебе известно, что жить со мной – без преувеличений каторга.

– Это точно. – Станислав припарковал машину у подъезда Гурова. – Каждый раз останавливаю и думаю: угонят...

– Не думай. – Гуров кивнул на двух парней, которые неподалеку торговали маслами, лаками и прочей дребеденью по уходу за машинами. – Я им выбил это место, а без их разрешения не тронут ни одну машину в округе.

– Ты обыкновенный мафиози.

– И ты данный факт установил на третьем десятке лет знакомства? Значит, ты не сыщик, а заурядный фраер.

Гуров открыл дверь подъезда, пропустил друга. Они вошли в лифт. На условный звонок Мария открыла почти мгновенно, чмокнула мужа в щеку.

– Привет, Стас! – сказала очень громко. – Проходите на кухню. – И убежала в спальню приводить себя в порядок.

Гуров начал накрывать на стол. Кухня была просторная – этакая кухня-столовая. Хозяин расставил тарелки, разложил приборы. Достал из холодильника сыр и колбасу, бутылку водки, показал на нее Стасу.

– По одной, чисто символически.

– Знаю я вашу символику, – со смехом произнесла Мария, появляясь в кухне.

На ней был джинсовый костюм, подчеркивавший тонкую талию и иные достоинства ее великолепной фигуры.

– Стасик, рада тебя видеть, пропал, словно избегаешь меня.

– Он тебя боится, – наябедничал Гуров.

– Здоровые инстинкты. – Мария нарезала сыр, разложила на тарелке. – Наливайте, чего тянете, и колитесь: куда и надолго ли?

– По России, на неделю-две, – ответил Гуров.

– Два важняка разом, по-моему, такого еще не бывало. – Мария пристально посмотрела на мужа. – Будете стрелять?

– Маша! – Гуров едва не пролил водку. – Мы никогда не стреляем, только отстреливаемся.

– Старова небось? Да что это я – все равно не скажете!

– По Старовой работают в Москве и Петербурге, а мы едем в глухомань, – сказал Гуров.

– Хороши наши правители, – усмехнулся Станислав. – О Президенте не говорю – с большого человека какой спрос? Но Премьер! Вчера по ящику на встрече с силовиками выдает: «Я требую покончить с преступностью и коррупцией. Сегодня, когда произошел такой обвал...» и так далее. Лев Иванович, вот ты нам скажи, когда произошел такой обвал?

– Когда?.. – Гуров потер переносицу. – Думаю, серьезно началось в день ввода наших танков в Грозный. Двигается по нарастающей – и конца не видно. Все у нас кончается, всего маловато, а патроны всегда в достатке.

– Лева, давно хочу спросить: как ты относишься к Березовскому? – рассеянно произнесла Мария, взяла рюмку. Встала, вдруг посерьезнев.

Сыщики тоже поднялись.

– Светлая ей память. Думаю, хорошая женщина была, – вздохнула Мария.

– Много хороших людей погибло в последнее время, – сказал Гуров. – Я не только об отце Мене, Диме Холодове, Листьеве, вот теперь о Галине Старовой... Каждый человек – целый мир. Нас держат за руки и плюются в лицо лозунгами. Все! Выпили и замолчали.

После долгой паузы Гуров вздохнул:

– Как я отношусь к Березовскому? Да никак. Какая у нас о нем информация? Очень умный, хитрый финансист и политик, следовательно, чисто плотен... по обстоятельствам. Когда нужно – совестливый, а потребуется – так безжалостный и коварный. Я бы с ним рюмку не поднял!

– Тебе и не грозит. – Мария попросила Гурова налить по второй, заметила протестующий жест Станислава, резко сказала: – У жен свои права. Думаешь, Стас, ждать тебя очень интересно? Я пью за ваших жен, мальчики, за женское терпение и умение прощать.

Мыли посуду, говорили о постороннем. Мария рассказала об очередной премьере в театре, скромно заметив, что, кроме дьявольски красивой примадонны, смотреть в ней нечего.

Стас осмелел и спросил:

– Мария, а тебе не противно, что сотни мужиков разглядывают тебя и, как это сказать, с совершенно определенными мыслями?

– Профессия, привыкла. – Она рассмеялась. – Признаюсь, Стас, недавно играла на подмену, подруга заболела. А эта героиня – дурнушка. Я выхожу, зал не реагирует, проходит несколько минут, играю во всю силу – тот же эффект. Переживания мои никого не интересуют. Цветов не дарят, взглядом мажут... Я ужасно расстроилась. Понимаю, что дура, а сделать ничего не могу.

– Из тебя можно сделать некрасивую женщину? – удивился Станислав.

– Запросто, даже без грима.

Мария, расставив вымытую посуду, повернулась, и Стас увидел другого человека. Актриса ничего не делала с лицом, но оно разительно изменилось – глаза потухли, стали маленькими, бесцветными, один глаз слезился, движения стали неловкими, угловатыми, грудь как бы исчезла, а живот выпятился. Тяжело задышав, она спросила:

– Так вы, значит, уматываете? Работа, работа, лапшу не вешайте, к девкам собрались, а признаться не можете.

– Хватит, верю, – ошарашенно произнес Станислав.

Мария на глазах изменилась, вздохнула:

– Гуров, ты что наденешь? Может, погладить надо? – спросила прежняя Мария, красавица-жена.

– Спасибо, Машенька, обойдусь.

– Вспомнил! – Станислав вдруг придвинул к себе телефон, набрал домашний номер. – Лютик, это я, будь другом, взгляни на мою парадную форму. Я завтра уезжаю. Ну, раз о форме говорю, значит, инспекционная проверка, и беречь мне следует только печень. Мария и Гуров тебя целуют, я буду скоро.

– Тебе тоже форму? – спросила мужа Мария.

– Мне, дорогая, все наоборот. Я сам выберу, – ответил Гуров и пошел провожать друга.

Остаток дня Мария и Гуров посвятили уборке квартиры. И не оттого, что она была грязной, а чтобы занять руки, не говорить о последнем убийстве, о политике, о том, что с каждым днем все труднее дотягивать от получки до получки – слава богу, в Москве ее платили.

Наконец они все переделали, сели, выключили телевизор. Мария поставила на стол флакон духов и с вызовом сказала:

– Приняла в подарок от мерзейшего человека.

– Хорошие? – спокойно спросил Гуров.

– Замечательные. Ты мне не даришь духи почти год.

– Я знаю. – Гуров пожал плечами.

– На какие шиши ты собираешься жить в поездке? – В голосе Марии прозвучали тревожные нотки.

– На взятки. Я был в Котуни, еще до твоего нашествия. У меня там должник остался, если он жив и не вступил в компартию, что сомнительно, я не пропаду.

– Ты не врешь? – Мария прошла по гостиной, уже спо-

койнее продолжала: – Извини. Ты никогда не врешь, ты молчишь. Интересно, как это получается, куда ты ни толкнешься, у тебя должники.

– Я, Машенька, занимаюсь своим делом почти четверть века. Сыщик, если он действительно сыщик, обязан при любой возможности обзаводиться должниками. Хотя не обязательно они остаются должны ему деньги, чаще совсем даже не деньги. Иногда человек обязан жизнью, иногда ты помог ему спасти честь, сохранить близких. Да мало ли что... Услуга за услугу называется. Это как вино – чем старше, тем ценнее.

– Но для такой жизни необходима уйма сил, терпения, самоотверженность, – пробормотала Мария. Вошла на кухню, взяла бутылку с остатками водки, прихватила два кружочка маринованного огурца. – А ты знаешь, что действуешь на людей подавляюще?

– Лишь защищаюсь, – задумчиво произнес Гуров. – И каждый это делает по-своему. У тебя своя метода, у меня – своя.

– Сказки. Ты мастер на мистификации в жизни. А у меня только театр.

– И дом, и я, – добавил Гуров. – Знаю, характер у меня сложный, но ты потерпи, пока меня не убьют.

– Тьфу, тьфу! – Мария наполнила рюмки. – Если ты позволишь себе что-либо подобное, я тебя никогда не прощу.

– Учту, – ответил Гуров. – И постараюсь тебя не огорчать.

– Сейчас ты вроде бы едешь с простой инспекторской проверкой... Хотя мне не нравится, что вы едете вдвоем и ты в штатском.

– Не будем заниматься пустой болтовней, Маша. Идем-ка спать. – Гуров подхватил жену на руки, но она запротестовала:

– Ну уж нет! – Она болтала ногами в воздухе, пытаясь встать. – Нельзя, чтобы водка оставалась. Это дурная примета. Мы должны выпить ее.

Гуров поставил жену на пол. Мария разлила остатки, и они выпили до дна. Гуров вновь взял ее на руки. Она обняла его за шею, прижалась щекой к груди.

Сидя в шатких креслах старенького «Ту», сыщики молчали. Первым заговорил Станислав:

– Если «этажерка» не развалится и мы прибудем на место, считай, полдела сделано.

– Ты оптимист, Стас, – усмехнулся Гуров, проверяя пристежные ремни. – Слушай, что тебе кажется необычным в последнем убийстве?

– Во-первых, оружие, во-вторых, то, что, по сообщениям прессы, один из киллеров – женщина, – не задумываясь, ответил Стас.

– В десятку. Но я пока не могу понять, кто стоит за исполнителями. Да и кто они. Женщина – это еще не факт. Она могла быть лишь разведчицей, наводчицей...

– Вообще она могла быть не причастной к убийству, – продолжил Станислав. – А видели, скажем, любовницу одного из жильцов. Но оружие – факт установленный. «Беретта» еще ничего, если к ней привыкнешь, пристреляешься, пистолет совсем недурственный, для женщины тяжеловат. А вот «агран-2000» – вообще ни в какие ворота.

– Могли и из пулемета стрелять, одиночными, – высказал предположение Гуров. – Не ясно только, зачем такую дурю таскать, серьезный человек такие стволы в руки не возьмет... Кажется, взлетели.

– Точно, авиалайнер даже крыльями машет, – сказал Станислав. – Интересно, в каком году его должны были списать?

– Знаешь, любопытство кошку сгубило, – усмехнулся Гуров. – Не знаю, замешаны ли эфэсбэшники или менты в убийстве, но стреляли не они. Стреляли явно плохо, да и, повторяю, оружие бандитское. Они считают, раз американское – значит, класс. Тогда взяли бы полицейский «кольт» 38-го калибра. Вот это действительно класс.

– Да у них выбора не было, – сказал Стас. – Что дали, из того и стреляли.

– Но кто они? Обычная лесенка?.. Политик или банкир дал команду какому-то скурвившемуся офицеру, тот нашел парочку бандитов, которые случайно болтались на воле. А может, специально выпустили на пару дней. Дело сделали – и назад, за решетку, в дом родной, где и удавят.

– Сложно мыслишь, командир, – сонно ворочая языком,

сказал Станислав.

Через несколько минут он уже мирно посапывал. Гуров смотрел на друга с завистью, сам он ночью почти не спал. Размышлял, взвешивал. Убийство Старовой практически означало, что криминал вышел на тропу войны. Сыщик был знаком со многими авторитетами. Одних уже похоронили, иные коротали свои дни в зоне, многие здравствовали и работали по «профессии». Сыщик знал, что уголовники высоких рангов не шли на политические убийства. Люди практичные, они давно отошли от горячих дел и походили наэтаких генералов, которые сидят себе в кабинетах и отдают приказы рядовым. Но в группировках существовали строгая иерархия и свои законы жизни. У авторитетов были враги и завистники, а «вожди» обязаны были считаться с мнением воров и не могли самовольно послать своих людей на политическое убийство. Ведь, как правило, исполнитель – человек обреченный, при всем цинизме братков они не одобряли такие жертвы. Если стрельба начиналась из-за сохранения влияния на нечто материальное – рынок, иные ценности, приносящие общаку ежедневный доход, – тогда дело иное. Политик, не владевший реальными деньгами, был братве неинтересен. Такое убийство вызывало лишь прессинг со стороны эфэсбэшников и ментов, а в многочисленных облавах гибли десятки людей, не имевших к происшедшему никакого отношения. Арестовывались сотни, а у каждого были еще друзья и подельники. В общем, убийство политика считалось делом

рисковым и, с точки зрения большинства уголовников, пустым, абсолютно ненужным.

Кто, хотя бы предположительно, мог стоять за громким убийством? Наиболее вероятно, что Старову убили как реального, пожалуй, самого сильного кандидата на пост губернатора Петербурга и области. Но криминалитет не любит, да и не умеет заглядывать далеко вперед. Этим людям не объяснишь: мол, если «эта баба» придет к власти, ты не будешь получать доход со своих палаток. Каждый подумает: видали мы таких правителей! Сколько их сменилось за последние годы! Губернаторы и мэры сидят в креслах – и пусть себе сидят, а мои палатки охраняют купленные менты. Ни один правитель, будь он самый честный, не способен прожить на зарплату, найдем к нему ход, дадим на лапу – и будем жить как жили.

Сами политики, которым убитая наступила на мозоль, оружия в руках в жизни не держали и напрямую с криминалитетом незнакомы, потому никаких команд дать ему не могли. Сколько бы у Березовского ни было миллиардов, он не имеет возможности нанять киллера. Его может нанять оперативник ФСБ и МВД. И не сам, а через нижестоящего. Значит, возникает цепочка.

Теперь об оружии американского производства. Какой профессионал возьмет в руки незнакомую пушку? У него есть своя, верная, пристрелянная, которую он после дела тщательно протрет и выбросит подальше. И при чем тут жен-

щина? Истеричка? Наркоманка? Но кто рискнет иметь дело с наркоманом, человеком, плохо управляемым, зависимым? Только в одном случае: если его ликвидируют в ближайшие сутки. Количество людей, причастных, хотя бы знающих об убийстве, растет как снежный ком. Заказчик, притом не один, затем посредник, второй посредник, два киллера, три или четыре помощника, затем ликвидаторы. С ума сойти, так дела не делаются – провальный вариант.

Если стреляли эфэсбэшники или менты, почему они воспользовались неизвестным оружием? И почему так плохо стреляли? Затем лестница. Убийцы и жертвы могли находиться на расстоянии нескольких метров. Даже посредственному стрелку хватит двух патронов. А тут четыре на женщину, два на мужчину, оставшегося в живых.

Не складывается. Гуров взглянул на друга. Похрапывает, гад, даже вон слюна потекла. Сыщик достал носовой платок, вытер Станиславу рот. Подошла стюардесса, предложила воды. Гуров взял два стаканчика, один выпил, второй поставил на откидной столик, подумав, что Стас, видимо, чего-то недоговаривает – с каких дел он так крепко спит? Тот заворочался и пробормотал:

– И не сплю совсем, так, дремлю чуток. – И заворочался, устраиваясь в кресле поудобнее.

Гуров дал мыслям другое направление. Почему Петр, который никогда ничего просто так не делает, послал их в провинциальный город? Ясно, руководители розыскной брига-

ды не захотели, чтобы в их подчинении были опытные сыщики, люди с характером, со своим мнением. Нормально. Они желают руководить и не хотят спорить с какими-то полковниками, им нужны оловянные солдатики. Они фактически плюнули начальнику Главка в лицо: мол, разыскивайте своих мелкотравчатых убийц, а здесь дело государственное, на контроле у Самого. Отвечать нам, мы и подбираем команду. С нас спрос, и мы с кем желаем, с тем и работаем. Разумно. Хотя ни за одно нераскрытое заказное убийство никто пока не ответил. Возможно, Хозяин болен, власть практически не изменилась, и теперь наконец неудачники ответят. Или имеются некие серьезные зацепки, о которых не сообщают. Министры желают отличиться, и им не нужны в команде популярные люди, которые перехватят у их славу. Или же Петр считает дело проваленным и не желает, чтобы мы имели отношение к крупной неудаче, и сослал нас с глаз долой. И никакого «агрона» и «беретты» в Котуни не появлялось? Тоже вариант. Тогда понятно, почему мы летим именно в Котунь, где у меня серьезные связи. Петр рассчитывает, что мы раскроем какую-то группу, пусть и не имеющую к громкому убийству никакого отношения. А на коллегии Петр сможет козырнуть, сказать: мол, вы, господа, отказались от нашей помощи, а мои мальчишки работают. Это уже политика в рамках министерства, но Петр не захотел посвящать нас в нее. Такое и раньше случалось. Ладно, жизнь покажет. Гуров не обидится на своего начальника и друга. Он не умел работать

на посылках, а в бригаде иной работы им бы не поручили никогда. Там не то что полковники, многие генералы имеют задачу от сих и до сих. Наконец и Гурова сморило, он задремал.

– Сколько можно, командир? – разбудил его Станислав. – Как в Москве сели, так и захрапел, завидую. Пристегнись, наша «этажерка» пытается приземлиться.

Гуров провел ладонью по лицу, вздохнул и спросил:

– Стас, ты сны видишь?

– Редко, однако случается.

– Мне чего-то плохое приснилось, точно не разобрал, но кровищи было – залейся.

– Нормально, у наших врагов до хрена лишней крови, не обеднеют.

– Ты хоть и не спал, – усмехнулся Гуров, – но физиономию протри и глаза открой, на тебе мундир, черт побери!

Как ни странно, выдавший виды самолет приземлился мягко. Пассажиры по обыкновению рванулись к дверям, словно машина горела и жизнь решали секунды. Оперативники сидели не двигаясь, вышли к трапу последними и сразу увидели стоявшую неподалеку черную «Волгу», а рядом – капитана милиции, который нервно вертел головой и собирался уже двигаться в сторону аэровокзала.

– Приятель! – крикнул Станислав. – Ты случаем не потерял чего?

Капитан одернул китель, улыбнулся:

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Здравствуй, хочу по дружбе предупредить. – Стас пожал капитану руку. – Мой начальник, полковник Лев Иванович Гуров, терпеть не может слова «товарищ». – И тихо добавил: – Его дед был из недобитых, так что пойдй на уступки старикам, зови нас господами.

Капитан еще больше вытянулся, открыл дверцу «Волги».

– Прошу, господа полковники, генерал ждет вас.

– Я хотел бы сначала в гостиницу, – сухо сказал Гуров. – В Москве снег, зима, а у вас еще осенью пахнет. Но раз генерал ждет, едем.

Черный тонкий свитер, светло-серый твидовый пиджак, черные брюки, которые сидели на нем безукоризненно, делали Гурова похожим на богатого иностранного туриста, скорее англичанина. В руках Гуров держал кейс и теплую штурманку, которая здесь оказалась совсем не по погоде.

Гости сели в салоне, капитан устроился рядом с водителем.

– Женя, домой, – приказал он, – и развернулся к гостям. – Извините за любопытство, господин полковник, а вы не тот самый...

– Тот самый, – перебил его Гуров и кивнул на Станислава. – Вы, капитан, обращайтесь к полковнику, он знает уйму интересных историй.

– Вот так, братец, я и живу, – пожаловался Станислав. – Они с людьми говорить не любят. А ты кем служишь?

– Я при генерале, – ответил капитан, хотел назвать свою должность с гордостью, но столкнулся с безразличным взглядом светло-серых глаз Гурова и завял.

– А не жирно твоему генералу держать при себе офицера в расцвете сил? – спросил Станислав. – Ты должен быть как минимум старшим опером.

– За что вы меня так? – искренне удивился капитан. – Я человек аккуратный, обязательный, вежливый.

– Так и служил бы метрдротелем, – обронил Гуров.

Капитан не обиделся, сказал, как бы оправдываясь:

– Это, господин полковник, совершенно невозможно. Я сирота, и денег таких у меня нет. А взятки я ни брать, ни давать не умею.

Гуров улыбнулся, глаза у него стали голубыми, он кивнул и как-то очень по-свойски сказал:

– Дело не такое уж сложное, будешь стараться – научишься.

Капитан наконец понял, что над ним просто смеются, надулся, опустил голову и молчал всю дорогу, пока «Волга» не остановилась у дверей управления.

– Здание не изменилось, – сказал Гуров, выходя из машины. – Поглядим, какая начинка.

Капитан обогнал гостей, открыл тяжелую дверь, шепнул несколько слов часовому. Гуров поздоровался с сержантом за руку, внимательно посмотрел в лицо, сказал:

– Здравствуйте, я вас не помню.

– А я вас никогда не забуду, господин полковник! – четко ответил сержант. – Я капитаном давно должен быть.

– Вспомнил. Вы меня привезли на опушку леса. Вас было трое. И старший у вас был умнейший опер, жаль, что сука.

Лицо часового передернулось.

– Я вас защищал, если помните, – сказал он.

– Помню. Иначе ты сидел бы в тюрьме или схватил бы вышака. Извини, позже поговорим.

Капитан и Станислав стояли чуть в стороне, слушали с интересом.

– По местам былой славы, – ехидно заметил Стас.

– Парня сгоряча разжаловали, а потом забыли.

– Выпивает, – заметил капитан.

– А вы все обо всех знаете? – Гуров глянул на капитана с интересом.

– Обязан. Генерал может поинтересоваться. – Капитан вытянулся.

– Если вас на дверях поставить, вам будет удобнее за людьми наблюдать.

– Капитаны в охране не стоят, – ответил встречающий.

Крячко из-за спины Гурова делал парню знаки, чтобы он замолчал.

– Видите, мой друг вам семафорит: мол, была бы должность, а звание можно к ней подогнать соответствующее.

Капитан побледнел, взглянул на часы, откашлялся.

– Нас ждут, господа.

Гуров прошел мимо лифта, легко взбежал на третий этаж, посмотрел под ноги, сказал:

– Ковровую дорожку не меняли, это хорошо.

Капитан взглянул на Крячко, который пожал плечами, так как не знал, почему хорошо, что ковравую дорожку не меняли.

В приемной генерала за столом сидела девчушка, стучала на машинке. Увидев вошедших, пробормотала «здрaсте» и выскочила за дверь.

Гуров придирчиво оглядел приемную: тяжелую кожаную мебель тоже не меняли, а вот стены красили. Сыщик довольно кивнул, бросил в одно из кресел кейс и куртку, отстранил капитана, сам открыл дверь кабинета и громко сказал:

– Здравствуйте, уважаемый Олег Евгеньевич. Я, напоминаю, Гуров, а господин полковник Крячко – офицер знающий, на мой вкус, излишне занудный.

– Здравствуйте, Лев Иванович, рад вас снова видеть. – Генерал вышел из-за стола, пожал приезжим руки, указал на кресла, кивнул капитану, и тот исчез из кабинета.

Генералу было чуть за пятьдесят. При бывшем хозяине он был майором на незначительной должности. Гурову понравилось, что генерал не сверкал погонами, носил скромный серый костюм и белоснежную рубашку.

– Петр Николаевич мне вчера звонил, предупредил о вашем визите. – Он присел на край стола, смотрел спокойно, с достоинством. – Я не очень понял цели вашего нашествия,

надеюсь, вы объясните.

– Не дуйте на воду, генерал, ничего страшного. Полковнику, – Гуров показал на Станислава, – приказано ознакомиться с вашим бумажным хозяйством, – плановая проверка, я напросился в попутчики. Ностальгия, хочу взглянуть на ваш замечательный город.

Судя по всему, генерал был скверным актером, так как лицо у него погрузнело, улыбка получилась достаточно фальшивой, но ответил он прямо:

– Значит, правду вы мне не скажете.

– Опасная и крайне дефицитная сегодня штукавина. Разрешите? – Гуров достал сигареты.

– Конечно, конечно... – Генерал подвинул ему пепельницу.

– Хотел бы ознакомиться с розыскным делом по убийству авторитета по кличке Сазан, фамилию запомнил. Я вас плохо знаю, но искренне рад, что именно вы, Олег Евгеньевич, возглавили управление.

– Объяснение простое. – Генерал горько улыбнулся. – Я единственный, кто оказался не замазанным в погроме, который вы здесь устроили три года назад.

– Можно сказать иначе. – Гуров прикурил и затянулся. – Вы единственный, кто, рискуя погонями, возможно, и жизнью, не вступил в коррумпированный клан Фомина.

– Не делайте из меня героя, мне еще мама объяснила, что воровать нехорошо.

Он подошел к массивной «стенке», открыл одну из створок, достал бутылку минеральной воды.

– Раньше здесь стояли коньяки. А ныне... Холодильник у меня сломался, не чинят, не меняют. Отцы города заходят, лишь когда бревно на голову свалится. С криминалом хозяева живут дружно, да и перемешались, не поймешь, кто есть кто. Мои сыщики занимаются бытовухой и прочей мелочевкой, серьезные разборки решаются без милиции. Мне обещана теплая дача, служу до пенсии и ухажу.

– А людей пусть убивают? – в лоб спросил Гуров.

– Вы о Галине Старовой? Не мой уровень. Вы в столицах разбирайтесь, мы люди маленькие. – Генерал взял из пачки Гурова сигарету, неумело размял, закурил. – Скучно и стыдно, но сил нет, да и талантом бог обидел.

– Печально. Познакомьте меня со своим замом по оперчасти, вас я беспокоить не буду. А сейчас мы с полковником поедем в гостинице устраиваться.

– Желаю успеха. Надеюсь, цены вам известны. Может, мы поселим вас в своем общежитии? – спросил генерал.

– А может, в охотничьем домике? – поинтересовался Гуров. – Ведь вельмож вы принимаете. Я знаю, у вас знатная охота.

Генерал смутился, затем неуверенно ответил:

– Домики в ведении ХОЗУ, я не вмешиваюсь.

Станислав хмыкнул, не удержался и сказал:

– Простите, господин генерал, в оперработу вы не вме-

шиваетесь, не в курсе хозяйственных дел, так жить действительно скучно.

Генерал посмотрел на Стаса большими глазами, невнятно ответил:

– Вы, господа, поезжайте пока в гостиницу, я в течение дня вопрос провентилирую, думаю, мы сможем вам помочь. На том они и распрощались.

Оглядывая двухкомнатный затхлый полулюкс, Стас сказал:

– Может, и порядочный, но картонный генерал. Его и держат лишь за то, чтобы ни во что не вмешивался. И капитан при нем не адъютант, а соглядатай, и жить в данном номере можно, лишь не открывая рта. – Он достал блокнот, ручку и написал: «Необходимо выяснить расстановку сил в городе, вычислить человека, который правит бал».

Гуров закурил, поджег записку, долго смотрел на обуглившуюся бумагу, потом бросил ее в раковину, смыл водой и ответил:

– Вы, полковник, не ищите легкой жизни, переоденьтесь, приведите себя в порядок и отправляйтесь в управление, знакомьтесь с оперсоставом, бумагами. А я погуляю по городу, вспомню старое, постараюсь встретиться с друзьями, которые некогда работали в цирке. Ведь разгром местной коррупции я начинал именно с цирка.

– Цирк – хорошо, только никакой фокусник нам не помо-

жет, – ответил Станислав.

– А я и не жду от них помощи – они точно не в курсе дела, – просто хочу увидеть хороших людей, выпить с ними рюмку чая.

– Ясное дело. – Стас хохотнул. – Младший – работать, старший – по девкам.

– Все новое – лишь давно забытое старое.

Глава 2

Гуров проводил друга, подошел к стойке администратора, обаятельно улыбнулся:

– Здравствуйте, красавица.

Непривлекательная костлявая девица лет тридцати раздраженно ответила:

– Я не красавица и прекрасно знаю об этом. Говорите, что нужно, и не мешайте работать.

Гуров облокотился на стойку, продолжая улыбаться:

– Дорогая, нам обоим повезло, красота – понятие исключительно субъективное, если вам говорили иное, эти люди лгуны и невежды.

Администраторша смутилась и покраснела, она смотрела удивленно и недоверчиво.

– Что-то все субъекты выются вокруг Катерины, со мной и здороваются редко. – Она поправила прическу, несмело улыбнулась.

– Я в молодости тоже не нравился девушкам и переживал. А как седина пробилась, говорят, мол, ничего, терпеть можно.

Девица разглядывала статного голубоглазого красавца, похожего на актера кино. Седина действительно картинно серебрилась на висках незнакомца, но привлекали в нем даже не черты лица, а какая-то магнетическая уверенность и

сила, которая исходила от него.

Администраторша тряхнула головой, словно пыталась проснуться или отогнать наваждение, и грубовато спросила:

– Что вам, гражданин, собственно, нужно?

– Собственно, ничего. – Гуров широко улыбнулся. – Поболтать с интересной девчонкой. – Он посмотрел на часы и сделал вид, что спохватился: – Разрешите от вас позвонить?

– Аппарат, между прочим, служебный, у вас в номере имеется свой, – ответила девушка и подвинула свой телефон в окошечко.

– Благодарю. – Гуров неторопливо размотал шнур, набрал номер Бунича, который запомнил, казалось, навсегда.

– Слушаю, – ответил мужской голос. Гуров подумал, что секретарь у магната не сменился.

– Здравствуйте, попросите, пожалуйста, Льва Ильича, – мягко произнес Гуров.

Девушка за стойкой немного отошла в сторону, но прислушивалась к разговору, и то, что голубоглазый незнакомец звонил мужчине, явно понравилось ей.

– Как вас представить? – допытывался секретарь.

– Лев Иванович, – ответил Гуров. – Надеюсь, этого окажется достаточно.

– Вполне, – сказал Бунич, слушавший разговор по отводной трубке. – Какими судьбами? Здравствуйте...

– А черт его знает, тетка. Летел мимо, решил заглянуть, узнать, как здоровье. – Гуров тихо рассмеялся.

– В нашем возрасте здоровье, как климат, переменчивое, – ответил Бунич. – Надолго?

– Как примешь. Я в «Центральной», будь другом, пришли за мной машину. Лучше, если приедут и Левый, и Правый.

– Понял. Ты их узнаешь? – поинтересовался Бунич. – Машина будет минут через пятнадцать, мальчишки поднимутся в вестибюль. О'кей?

– О'кей! – Гуров положил трубку и по-мальчишески подмигнул администраторше. – А вы так и не сказали, как вас зовут.

Девушка покраснела и не ответила. Гуров взглянул на часы, прошел в глубину холла, сел в затертое кресло и взял со столика старые газеты.

«Я возвращаюсь в прошлое, – рассуждал он, – а хорошо ли это и нужно ли? Три года в наше время – очень большой срок. Для многих это целая жизнь». Он привычно переложил «вальтер» из внутреннего кармана пиджака во внешний, где лежали сигареты и зажигалка.

Тогда, три года назад, он приехал сюда по просьбе Петра на помощь другу его юности, дрессировщику медведей, и оказался в гуще цирковой жизни. Главное, сыщик невольно встал на пути транспортировки наркотика в Москву. Милиция в городе была насквозь коррумпирована, прежний генерал приказал любыми средствами уничтожить москвича, но у Гурова неожиданно оказалось много замечательных друзей-союзников, схватка закончилась кроваво, а для Гу-

рова благополучно. В те дни сыщик познакомился с местным миллионером, человеком умным, самостоятельным, который Гурову помог, но в принципе придерживался нейтральной позиции.

Уезжая из города победителем, Гуров успел уберечь миллионера Бунича от участия в героиновой сделке и сегодня рассчитывал на благодарность магната. Кроме того, директор цирка и его ближайшие друзья были уроженцы здешних мест, знали город, как свой карман, и могли сегодня оказать неоценимую услугу сыщикам. Вопрос, живы ли они, не припомнили ли местные авторитеты дружбу директора цирка, его заместителя и знаменитого клоуна с ментом из Москвы...

Не писал он, Лев Гуров, не звонил, сукин сын, столько лет, свалился как снег на голову и ждет от людей помощи. Сыщик отложил газету, в которую даже не заглянул, поднялся из корявого кресла, поклонился суровой администраторше и удивился, увидев, как она приподняла худую руку в знак прощания. Казалось бы, ерунда, но настроение у Гурова улучшилось, и он направился к выходу.

Сыщик толкнул тяжелую облезлую дверь, порога еще не переступал, выстрела не услышал, но пуля впилась в дверной косяк, и он метнулся в тамбур. Увидев, что дверь на улицу открыта, выскочил на крыльцо и встал за колонну. На ступеньках лежал человек, пистолет валялся рядом. Гуров из своего укрытия не выходил. Убийца поднялся на колени, по-

тянулся к оружию, из-за колонн бесшумно появился один из охранников Бунича, отшвырнул ногой оружие, которое загремело по лестнице, взял бандита за левую руку – правая была прострелена, – поставил его на ноги, сделал это легко, словно парень был из бумаги.

– Ты видел, что мы подъехали? Торопился умереть? До больницы дойдешь?

– Я не врубился. Левый, извини. – Парень зажал здоровой рукой раненое предплечье. – Извини, я доберусь. Пушку отдай.

– Детям спички не дают. Ползи. И передай Лещу, что я расскажу о тебе своему хозяину. Ты мог ранить нашего гостя.

Парень побледнел от этих слов больше, чем от пули, икнул и начал аккуратно спускаться по широкой лестнице.

У Бунича было два личных охранника. Близнецы неизвестной национальности, они, казалось, и не имели имен, в городе их звали Левый и Правый, так как они всегда ходили рядом. У одного из братьев был над бровью чуть заметный шрам, и он звался Левый. То ли корейцы, то ли китайцы, они были невероятно сильны как в рукопашном, так и в бою с оружием.

– Здравствуй, – сказал, подходя, Гуров. – Я только прилетел и не успел еще никого тронуть. Что это они бросаются на мирных людей?

– Это вы мирный? – Охранник иронично улыбнулся. – Как

мы его прозевали? Видно, он прошел за колоннадой.

– Случается, – сказал Гуров, усаживаясь в черный сверкающий «Ауди», за рулем которого сидел Правый.

– Здравствуйте и извините, – сказал он спокойно и равнодушно, словно в Гурова не стреляли, а пролили ему под ноги ведро с помоями.

– Здравствуйте, Правый, я полагал, вы в городе пользуетесь большим уважением, – ответил Гуров.

– Авторитетом пользуетесь вы, полковник, – сдержанно ответил водитель и замолчал.

Более не было сказано ни слова. Гуров сразу отметил, что Бунич живет в другом месте, асфальт не переходил в проселочную дорогу, а вел к крыльцу нового двухэтажного дома, который не был огорожен и не имел внешней охраны, что сыщика несколько удивило. В облике добротного, красивого песочного цвета дома, с небольшим крыльцом и мощными дверями, с окнами, забранными витыми решетками, не чувствовалось никакой показухи, излишеств, которые свойственны особнякам «новых русских» в Подмосковье. Охранник легко поднялся на крыльцо, нажал кнопку секретного замка, и двери разъехались.

Перешагивая через порог, Гуров заметил чуть в глубине прихожей тусклый ствол автомата и понял, что внешняя незащищенность дома – лишь видимость. Сыщик, прежде чем ступить на ковер, тщательно вытирал ноги, когда услышал доносившийся сверху мягкий голос:

– Здравствуй, Лев Иванович, проходи, всю российскую грязь с ног не сотрешь.

Гуров поднял голову, увидел «глазок» видеокамеры, поклонился и ответил:

– Еще раз здравствуй, тетка, извини за внезапное вторжение.

– Прходи, проходи, я узнал, что у тебя билеты на утренний рейс, еще вчера.

– Контора течет, как дырявое ведро, – пробормотал сыщик и в сопровождении одного из охранников прошел коротким светлым коридором, миновал открытые стеклянные двери и оказался в просторном кабинете.

Массивный письменный стол занимал свое законное место между двух высоких окон, сбоку на приставном столике громоздилась белая современная аппаратура: факс, компьютер, телефонные аппараты.

Хозяин вышел из-за стола, встретил гостя в центре комнаты, руку пожал крепко, но достаточно холодно. Бунич был на голову ниже Гурова, одет в серый прекрасно сшитый костюм и белоснежную рубашку с расстегнутым воротом. На холемом лице читалось равнодушие – чувствовалось, хозяин знает себе цену и на знаменитого полковника смотрит с легкой иронией.

– Располагайся. – Бунич махнул рукой на два дорогих кожаных кресла, между которыми стоял маленький, но вместительный стол, уставленный бутылками и тарелками. – Учи-

тывая твою профессию, сам факт, что ты жив и передвигаешься без посторонней помощи, можешь считать большой удачей.

– Спасибо на добром слове. – Гуров машинально занял кресло, в котором можно было сидеть лицом к двери, впрочем, в данном случае это было излишним. Сработала привычка.

– Поздравляю, слышал, ты женился. Я по-мальчишески давно влюблен в Марию... – Бунич сделал паузу и добавил: – Завидую и одновременно сочувствую. Жить с такой женщиной – наверняка тяжелый труд.

– Спасибо, а что в нашей жизни легко? Пить и валяться на диване? Так я не умею, извини.

– Как говорили нацисты, «каждому – свое». Твой выбор – твой груз, твоя дорога. Давай выпьем, на жаргоне молодых – слегка оттянемся.

– Можно. – Сыщик подвинул к себе тарелку канапе с севрюгой, из которых торчали изящные костяные вилочки. Положил несколько кусочков в рот. – Извини, что так по-мужички, но я ел только в Москве.

– Подать горячее? – спросил хозяин, нажимая кнопку звонка.

– Чуть позже, я не собираюсь ломать тебе день. Наливай, выпьем, не будем тянуть кота за хвост.

Они выпили, Гуров съел еще несколько крошечных бутербродов, вытер салфеткой губы, закурил и спросил:

– Как ты уживаешься с криминалом?

– Нормально. – Хозяин пожал плечами. – У меня мех, немного золота и бриллиантов, у них – нефть. Я не трогаю их, они не ходят по моей земле.

– Ясно. А администрация, чиновники не беспокоят? – поинтересовался сыщик.

– У них свои игры. Выборы, интриги, махинации с бюджетом, обычное воровство. – Бунич презрительно скривился. – Бандиты лезут во власть, разворовывают все, что можно, пытаются сманить меня. Мэр тоже старается сманить. Я сам по себе. Меня знают некоторые западные банки, я их ни разу не подвел, получаю инвестиции, плачу долги и проценты. Обеспечиваю стопроцентную безопасность представителям иностранного капитала, не ворую, мне хватает заработанного. Вилл и яхт за рубежом не имею, один счет в одной банке. Я, как говорится, прозрачный, всех устраиваю.

– Но в меня сегодня стреляли, – сказал Гуров.

– Знаю. Вышла накладка, разберутся и халдеев накажут. Пока ты к ним не лезешь, можешь гулять по городу днем и ночью. Только малолетки опасны, накурятся и становятся неуправляемыми.

Гуров кивнул. Бунич налил по второй, выпили молча.

– Ты мне, сыщик, голову не морочь. Узнал, что тебе взяли билеты, прокачал ситуацию: выходит, такого зубра могут интересовать лишь американские стволы. Они упоминались в прессе в связи с убийством депутата Галины Старовой. А

у нас за неделю до стрельбы в Москве они проходили при бандитской разборке и убийстве авторитета Андрея Тарасова по кличке Сазан. Так?

– Возможно, тезка, вполне возможно, – ответил Гуров, вновь удивляясь информированности коррумпированного бизнесмена, проживающего за тысячи километров от Москвы.

– Я с тобой начистоту, и ты мне свои «возможно» оставь. И я не коррумпированный бизнесмен, а живой купец, – раздраженно сказал Бунич. – Да, я разговариваю с авторитетами, порой пью с ними водку, но никаких льгот, послаблений, помощи они от меня не имеют, так как я никакой чиновничьей властью не обладаю. Тебя интересуют автомат «агран-2000» и пистолет «беретта-гардоне». Ищи. Помочь я тебе не в силах и защитить тебя не могу. Это твоя охота, Лев Иванович. Ты мальчик большой, в здравом уме. Обещаю похоронить тебя достойно, либо выслать супруге в цинковом гробу.

– Ты оптимист, однако, Лев Ильич. – И Гуров снова выпил.

– Я реалист. Вы прибыли сюда с двумя стволами, красными книжечками и гонором. Ты о дебилах-ворах забудь. У нас две группировки, во главе которых стоят мальчики с университетским образованием и спецшколами. Они знают и умеют не меньше вас со Станиславом. А стволов у них около сотни.

– Значит, мне не повезло, – ответил Гуров, – я же не Илья

Муромец. Спасибо за откровенность. Имею три просьбы. «Жигули». Дача за городом. И устрой мне встречу с одним из авторитетов.

– Хорошо, – флегматично ответил Бунич, достал из стола плотный конверт. – У меня к тебе просьба лишь одна – возьми деньги. Я тебе должен с прошлой встречи, долг меня тяготит.

– Ладно. – Гуров опустил конверт в карман.

Бунич нажал кнопку, вызвал охранников-близнецов.

– У нас дачный домик протоплен?

Охранники кивнули.

– Машина в гараже и заправлена? Холодильник загружен?

Хорошо. Отвезите гостя, и больше никакой помощи ему не оказывать. Ну... – Бунич задумался. – Если сосна упадет, тогда конечно, помогите.

Охранники вышли. Гуров погасил сигарету и поднялся.

– Напрасно ты на меня серчаешь, тезка. У тебя одно слово и у меня одно, и ничего с этим не поделаешь, так карта легла.

Бунич подошел, чуть было не обнял Гурова, в последний момент удержался, снял у него с плеча невидимую пушинку, сказал:

– Классный у тебя пиджак, полковник. Бывай.

Гуров молча кивнул и вышел. Бессловесные охранники, похожие друг на друга, словно оловянные солдатики, ждали его около крыльца в знакомом «Ауди». Сыщик вспомнил, как три года назад они подставили ему якобы застрявшую

на дороге «Скорую помощь», а когда он вышел из машины, ловко залепили рот тампоном, пропитанным хлороформом, и привезли к хозяину. Тогда Бунич занимал более скромный особнячок. Очухавшись, сыщик выяснил, что не связан, внешне ребята не производили грозного впечатления – два азиата среднего роста и телосложения. И Гуров решил было дать им бой, но инстинктивное чувство самосохранения, их точные, мягкие движения, бесстрастные лица да и факт, что они не посчитали нужным связать противника, подсказали Гурову, что разумнее не начинать схватки и обождать. Жизнь доказала, что сыщик оказался прав. Братья были высококлассные бойцы рукопашного боя, моложе его, не менее опытные, и схватка с ними ничего, кроме позора, не принесла бы.

Сейчас сыщик постоял несколько секунд на крыльце, закурил, молча сел в машину, он уже знал: разговаривать с охранниками – пустое дело.

Ехали недолго, проселками, остановились около изящного забора, который не мог служить защитой, лишь огораживал несколько соток вокруг двухэтажного сруба с дымившейся трубой. Неподалеку от дома находились гараж и одноэтажная сторожка, которая тоже слабо дымила. В ее дверях стоял мужчина лет шестидесяти, ладно скроенный и, судя по всему, крепкий. Он молча смотрел на прибывших, не здоровался, вообще никак на гостей не реагировал. Один из охранников вышел из машины, приблизился к сторожу, что-

то ему коротко сказал, кивнул на Гурова и вернулся.

– Ваш дом, полковник. Сторожа зовут Федор. Телефон работает, холодильник и телевизор в порядке. Машина заправлена, стоит в гараже.

– Спасибо, Левый, – увидев отметину над бровью парня, сказал Гуров. – Ты ловко разговариваешь, странно, что все время молчишь.

– Я не женщина, – ответил охранник. – Дорогу в город найдете?

– Спасибо. Полагаешь, меня убьют?

– Вы настоящий мужчина, полковник. Но жизнь у вас только одна. – Охранник сел в машину к брату, и они уехали.

Станислав сидел в небольшом служебном кабинете, ничем не отличавшемся от сотен других, в которых сыщику приходилось работать в своей жизни.

Одно окно, возле него канцелярский стол, шаткий стул, в углу обшарпанный сейф, еще два стула, продавленный диван, фанерный шкаф – вот, пожалуй, и все. На столе перед полковником лежали несколько изрядно замызганных папок. На стуле напротив сидел начальник уголовного розыска управления, усталый, небритый, плохо одетый мужчина лет сорока.

– Сколько лет в розыске, Семен Кириллович? – спросил Станислав.

– Да, считай... – майор задумался, шевельнул губами, –

лет восемнадцать, господин полковник.

– Сыщик, значит, мне повезло, не надо на пальцах объяснять, откуда у человека ноги растут. Ты, Семен, на погоны мои не смотри, я их не ношу и в розыске двадцать три года, а инспекция в моей жизни первая.

Майор мотнул головой, хотел сплюнуть, но сдержался, кашлянул, спросил:

– На ваши документы можно взглянуть? Не обидитесь? Генерал приказал, я подчиняюсь, но мне интересно человека своими глазами видеть.

Станислав молча положил удостоверение на стол. Майор взял его очень аккуратно, внимательно осмотрел, не разворачивая, только потом заглянул внутрь, прочитал, кивая, словно говорил сам с собой, вернул и уверенно сказал:

– Уважаю. Однако где-то вы нам лапшу на уши вешаете. Удостоверение старое, значит, вы действительно важняк... Однако важняк бумагой не занимается. В чем-то врете, простите, внаглую, но вы москвичи, вам виднее. А вы в одной группе с Гуровым? – Майор почему-то кивнул на дверь. – Могучий сыскарь, настоящий, от земли.

– Мы вместе двадцать лет. Лев Иванович – мой непосредственный начальник.

Сидевший напротив майор вызывал у Станислава чувство доверия. Ни одеждой, ни манерой держаться и говорить – на фене он не лепил – не пытался доказать свою кровную причастность к сыску. Хотелось бы не ошибаться, однако бесе-

довать с ним напрямую без санкции Гурова нельзя. Да и вообще, только первый день, спешить некуда.

Станислав переложил лежавшие на столе дела в ровную стопочку, спросил:

– Сколько человек в отделении?

– Семеро, – усмехнулся майор. – Это если обедать идти, а годных для работы, так три с половиной, а точнее, двое, если со мной.

– И агентура у вас... – Станислав пересчитал дела. – Девять человек.

– Тоже двое, но их дел тут нет, – флегматично заметил майор.

– Почему не принесли?

– Я вас не знаю, господин полковник. Захочет Гуров взглянуть – покажу.

– Ничего не бойтесь, Семен Кириллович? – Станислав навалился на стол, заглянул майору в глаза.

– Как не бояться? У меня пацан растет. Живой, нормальный человек обязательно боится, – ответил майор и отвернулся.

– Хорошо, действительных агентов покажете Гурову. А где разработка по убийству Тарасова-Сазана?

– А чего разрабатывать? Случилась разборка, Сазана замочили, так убийца суток не прожил, его намедни закопали, – равнодушно ответил майор. – Разрешили бы вы, господин полковник, мне часочек соснуть? Я сейчас плохой со-

всем.

– Ложись. – Станислав кивнул на диван. – А что ты все – Гуров да Гуров? Когда Лев Иванович вашу контору шерстил, тебя тут и не было.

– Я неподалеку обретался. – Майор встал, вынул из шкафа нечто подобное подушке и тонкое солдатское одеяло, быстро устроился на диване, укрылся с головой и тут же захрапел.

Станислав тоже поднялся, подошел к окну. Город контролируют две бандитские группировки. Допустим, майор говорит правду, так что он может? Он и живой-то лишь потому, что совершенно беспомощен. А премьер дает команду, мол, с преступностью и коррупцией необходимо кончать. Не смеяться – плакать хочется. Мы в Москве словно на Марсе живем, да еще жалуемся. Стас покосился на свои золотые погоны, провел ладонями по мягкому сукну кителя. Важняк гребаный. Здесь со стыда сгоришь. Он вспомнил усталого, безразличного генерала. Одряхла Россия, утомилась, мочи нет. А в Москве и Петербурге плачут по невинно убиенной Галине Старовой. И такое в почти миллионном городе, а что делается в глуши, в деревне? Пьют и с голоду мрут. Какое людям дело до губернатора либо мэра? Есть ли жизнь на Марсе, нету жизни на Марсе...

Стас вернулся к столу, прикрыл глаза, вспомнил гладкие лица в Думе, депутатов, которые первым делом решили вопрос о своих окладах. Настроение окончательно испортилось, не только рисковать своей шкурой, просто работать не

хотелось.

Он пролистал дела «агентуры», где часто попадались сообщения о взяточниках-участковых. Поборы были смешные, от блока сигарет до упаковки пива или пары бутылок водки. На листах пестрели резолюции начальников: «Переговорить», «Принять меры и доложить». Станислав прекрасно понимал, что резолюции оставались на бумаге, а в жизни оперативники говорили участковому: «Лох мороженный, ты крысятничаешь, так хоть не светись, как ночной фонарь, иначе по башке получишь». На этом принятые меры и заканчивались. Сообщения о наличии у кого-либо оружия попадались редко, в большинстве случаев указывались пистолеты марки «ПМ» и «ТТ», реже обрез, однажды назывался «калашников». Ни одной записи о том, что оружие изъято, Станислав не нашел, ясно было, что «агент» гонит пургу, и все об этом знают и молчат.

Гуров вошел без стука. Только глянув на друга, понял – ничего спрашивать не следует, кивнул на фигуру на диване, спросил:

– Кто?

– Начальник розыска.

– Стоящий? – спросил Гуров.

– Чуть живой, желает говорить только с тобой.

– Я достал машину, дачу и заверение, что самое разумное – немедленно уехать. – Гуров сел, вынул сигареты, курить не стал. – Надо выехать из гостиницы, думать, связаться с Пет-

ром. Прежде чем мы отсюда умотаем, я хочу переговорить с ним. – Он кивнул на диван. – А также с Колесниковым, Сильвером и Классиком, они работали в цирке.

– Если они живы, – тускло произнес Стас. – Город не то что коррумпирован, а насквозь криминален – здесь дышат только люди, которым дышать разрешено.

– Буди, и поехали. – Гуров встал у окна, закурил.

Стас едва тронул майора за плечо, тот мгновенно сел, позевывая, поднялся.

– Здравия желаю, Лев Иванович.

– Привет, – не оборачиваясь, ответил Гуров. – Умойся, поедешь с нами.

– Понял. – Майор вышел, вскоре вернулся и доложил: – Я готов.

Автомобиль у Гурова оказался отнюдь не «Жигули», а тоже «Ауди», только не черный, а серый. Они молча подъехали к гостинице.

– Стас, сдай номер, возьми наши вещи, скажи, что уезжаем.

– Слушаюсь, командир.

Когда Станислав ушел, Гуров угостил майора сигаретой, взял за подбородок, осмотрел лицо, словно врач, оттянул веки, вздохнул:

– Голодаешь?

– У меня пацан и жена на третьем месяце, – ответил майор. – А мне вас, Лев Иванович, описывали, но я представлял

вас пошире, помогутнее.

– В сказках все выглядят Муромцами, – усмехнулся Гуров. – Я, майор, человек обычный. – Он помолчал и добавил: – Может, чуть упрямее нормы.

– Лев Иванович, за нами наблюдают, – отрешенно произнес майор.

Гуров и сам уже невольно посматривал на щуплого мужичка, упорно разглядывавшего витрину с различной домашней утварью. Сыщик дождался, когда наблюдатель повернулся к ним лицом, и ловко надел на майора наручники.

– Пусть думают, что мы везем тебя насильно, тогда твою семью не тронут.

Появился Станислав с чемоданами и рюкзачком, двинулся не к машине, а к наблюдателю, дал ему под зад ногой, громко сказал:

– Мы вас не трогаем, вот и отцепитесь. – Он подошел к «Ауди», бросил вещи в багажник, и они укатили из центра.

– Командир, извини за импровизацию, но было бы странно, если бы мы не заметили такого наглого филера, – сказал Станислав.

– Пожалуй, ты прав, – ответил Гуров. – Сейчас позвоним генералу, скажем о майоре, покаемся.

В дороге Гуров несколько раз проверялся, но убедился, что «хвоста» за ними нет, и они спокойно добрались до дачи. Конечно, дачка эта прекрасно известна бандитам, и максимум за сутки их обнаружат. Но в оперативной работе сутки

– срок немалый.

Гуров сразу же позвонил генералу и сообщил, что они временно майора Шарова забрали для беседы. Пусть Олег Евгеньевич не сердается, не считает майора ни арестованным, ни задержанным – с ним лишь побеседуют и потом привезут в целости и сохранности.

– Лев Иванович, а вы не могли с моим замом по розыску беседовать в моем кабинете? Неловко, люди могут не понять, – недовольно проворчал генерал.

– Не подумали, – признался Гуров. – Вы начальник, люди приходят к вам в кабинет и уходят, а Шаров на ногах не стоит, ему выспаться надо бы.

– Гостю наручники не надевают, – рассердился генерал.

– Видимость одна. Не хочу, чтобы в городе думали, будто он брат нам или сват. Олег Евгеньевич, честно скажу, судя по всему, наш визит – дело совершенно пустое. Но я, как каждый офицер, человек подневольный, потолкусь у вас день-два и уеду.

На самом деле Гуров обращался не к генералу, а к его адъютанту-капитану, который, конечно, каждое слово записывал, чтобы доложить содержание разговора по инстанции. Гурову требовалось хотя бы два спокойных дня, чтобы иметь возможность нанести удар первым и неожиданно.

Пока Гуров беседовал с генералом, Стас и майор вынимали из холодильника продукты, накрывали на стол, майор при этом все качал головой, приговаривая:

– Не то что не ел, не видел давным-давно, полагал, такой продукт и не изготавливают теперь.

– Тебе горячее необходимо, много не ешь, худо станет. – Стас поставил на огонь кастрюльку с водой, достал пачку пельменей. Нарезал окорок, выставил банку маринованных огурцов, бутылку водки.

Гуров сидел задумавшись. Необходимо позвонить бывшему директору цирка Колесникову Алексею Ивановичу или его завхозу Сильверу, получившему свое прозвище за хромоту, либо знаменитому коверному по прозвищу Классик, зовут Николай, отчество забыл. Но пользоваться телефоном нельзя, его могли уже засечь. Сыщик посмотрел в окно, увидел сторожа, сгребавшего листву. Нет сомнений, человек раньше работал в органах, теперь трудится на всех – и на генерала, и на бандитов, иначе здесь не выжить. У него наверняка имеется телефон. Как воспользоваться и человека не подставить? Будем рисковать, иного выхода нет, решил Гуров, сунул в карман четвертинку и кусок сала.

– Стас, сейчас сторож зайдет, поговори с ним, угости и потолкуй. О генерале и авторитетах ни слова, якобы ты ищешь человека, приметы придумаешь. Майор, быстро лопай, выпей стакан и ступай в другую комнату спать. Понял? Я пошел.

Гуров рассчитал верно, сторож в лицо сыщика знать не мог, а сверкающий мундир полковника выдавал в человеке старшего.

Сыщик подошел к сторожу Федору, сказал:

– Здравствуйте, и мир труду.

Мужик оперся на грабли, поднял на гостя темные молодые глаза, смахнул со лба пот и неторопливо ответил:

– И вам не болеть.

Сидел мужик, понял Гуров, видно, не Бунич выбирал себе сторожа, а ему человека рекомендовали.

– Разговор имеется. – Гуров сменил интонацию. – Зайдем к тебе в сторожку? Простынешь...

– Если опер заботится, жди беды. – Сторож стоял, широко расставив ноги, не шелохнулся.

– Ты в своем доме, я у тебя в гостях. Зайдем, мне зябко с непривычки.

– Зайдем, – равнодушно согласился Федор, сгреб кучу листвы поплотнее, воткнул в нее грабли, зашагал к своему жилью.

Лицо у сторожа что печеное яблоко, потому смотрелся он лет на шестьдесят, но взгляд и походка выдавали в нем человека нестарого и физически крепкого.

В красном углу неожиданно просторной комнаты висела икона, и сыщик быстро перекрестился.

– Верующий? – насмешливо спросил Федор.

– Не знаю, но крещеный точно. – Сыщик выложил на стол четвертинку и шмат сала.

– Покупаешь? – Сторож смахнул рукавом со скамьи невидимую пыль.

– Купить можно то, что продается. – Сыщик сел за стол, ловко откупорил четвертинку, плеснул в подставленные хозяином стаканы, достал из кармана складной нож, полоснул розовое сало. – У меня к тебе никакого дела нет. С тобой мой бугор покалякать хочет. Он человека одного ищет. Ну, будем! – Не чокаясь, проглотил водку, взял кусок сала.

– Давно натурального не употреблял. – Сторож тоже выпил, закусил, аккуратно вытер губы. – И надолго прибыли?

– Точно не знаю, думаю, дня на два. – Гуров долил из чекушки, огляделся. – Чисто у тебя. Один живешь или приходящую деваху имеешь?

– Заглядывает одна, да я и сам с руками, как из зоны вышел, тихо живу, аккуратно. Ты большой начальник?

Гуров рассмеялся, указал на телевизор:

– Большие там, мой командир не большой, однако начальник, а я, ты верно определил, простой опер.

– Виски серебрит, а ты все бегаешь, не надоело?

Гуров не ответил, заглянул в стакан, кивнул и выпил.

– Тебя полковник зайти просит, а я тут пока подежурю. Лады? – Гуров вытащил из кармана мятую газету.

Сторож допил свою порцию, задумчиво пожевал губами, отер бисеринки пота со лба.

– Полковник. Из самой Москвы. Требуется честь оказать. На территорию никого не пускай, да я из окна увижу, сам выйду. К телефону не подходи, решат, я во дворе, перезвонят.

Гуров проводил сторожа на крыльцо, подышал, наслаждаясь запахом прелой листвы и земли, вернулся в комнату и сразу набрал номер Колесникова, бывшего директора цирка, общего любимца и известного сладкоежки. Три года назад Капитан держал маленькую пекарню, изготавливал торты, знаменитые во всей округе. Как-то все сейчас? Шли длинные гудки, наконец ответил слабый, как показалось сыщику, женский голос:

– Слушаю.

– Здравствуйте. Алексея Ивановича можно попросить? – спросил Гуров.

– А на кой черт он вам нужен? – Голос погрубел и обозначился как явно мужской, но никак не капитанский бас.

Сыщик уже понимал, что говорит с Колесниковым, который с момента их последней встречи стал другим человеком.

– Леша, привет, Гуров говорит! – громко сказал сыщик.

– Зачем? – Сыщику показалось, что некогда здоровенный мужик всхлипнул, затем набрал воздуха и почти нормальным голосом закричал: – На хер ты приехал? Мотай отсюда, покуда жив!

– Разберемся, Леха. Сильвер, Классик живы? – спросил Гуров.

– Утром были живые, сейчас – не знаю.

– Адрес у них прежний? – спросил сыщик.

– Вроде так. – Голос у Колесникова снова упал.

– Дерись, Лешка, завтра зайду, – сказал Гуров и положил

трубку.

Затем он набрал номер Сильвера. Хромой жил в одном доме с бывшим коверным и имел с ним общий телефон.

– Ну? – сразу ответил хрипловатый голос Сильвера. – Чего надо?

– Здравствуй, Саша. Гуров говорит.

– Мать твою! Живой! А мы тебя прошлым годом схоронили. Когда прибыл, зачем? – У Сильвера был прежний напористый голос.

– Сегодня. Я к тебе через час заеду. Можно? – Гуров даже затаил дыхание.

– Валяй, коли такой смелый. – Сильвер даже хохотнул. – Сейчас Классика разбуду. Он умрет от радости. Николай единственный, кто не верил, что тебя шлепнули, все говорил...

– Хорошо, хорошо, он мне все сам скажет. – Гуров протер носовым платком трубку, положил на место, вышел на крыльцо.

Хозяин сторожки шагал не торопясь, был задумчив, увидев Гурова, качнулся – только тогда сыщик понял, что мужик сильно пьян, Стас явно перестарался. Гуров помог ему подняться на крыльцо, уложил на печку и вышел на воздух. В доме Станислав уже убирал со стола, а майор крепко спал в другой комнате.

– Следует найти телефон, по которому можно позвонить Петру и выяснить наконец, что конкретно он от нас ждет, –

решительно сказал Стас. – Город прочно контролируется бандитскими группировками. Ты знаешь, я не трус, но на танки в пешем строю с пистолетом не ходят. Кроме того, если даже каким-то чудом мы найдем «агран-2000» и «беретту-гардоне» – что дальше? Почему Петр решил, что именно из этих стволов убили Галину Старову? Какова вероятность, что оружие не уничтожено? И какова вероятность того, что исполнители живы? Почему он считает, что в Москву ездили боевики из Котуни? Извини, я верю в интуицию Петра, но слишком уж все притянута за уши. Да, здесь недавно убили точно из такого же оружия. Но и в десятках других городов оно появлялось. Он не сказал нам главного в надежде, что мы сами уцепимся за что-то и тогда он подбросит нам козырного туза. Но Петр не знает здешней обстановки. И эта дача, и машина – обыкновенные мышеловки, стоит нам дернуться, нас пристрелят влет.

– Я с тобой согласен, – неожиданно сказал Гуров. – Но мы обязаны хотя бы что-нибудь предпринять, а уж потом звонить. Сейчас мы едем в город. Ты купишь себе и майору какую-то приличную штатскую одежонку, а я пешком пройду по городу, переговорю со старыми друзьями, хотя ждать от этих разговоров совершенно нечего.

– И схватишь пулю.

– Это вряд ли. Я пригласил в гости главаря одной из двух группировок. Он хотя бы из любопытства должен меня не трогать до нашей встречи.

– Черт тебя подери, почему ты решил, что он человек любопытный? – Стас ударил кулаком по столу.

– Мне так кажется.

– А мне не кажется, я убежден, что ты человек нормальный. В любой драке бывает то больше шансов, то меньше. У нас их просто нет.

Стас был взбешен не на шутку.

– Как ты полагаешь, почему Петр послал нас в командировку именно в Котунь? – вкрадчиво спросил Гуров.

– Боялся, что мы, находясь в Москве, начнем вмешиваться в чужую работу, и ты наломаешь дров, – ответил Станислав.

– Покажись психиатру.

– Грубо и не аргументированно, – обиделся Стас.

– Но точно. Петр на что-то рассчитывает, но сегодня не имеет нужной информации. Он очень надеется ее получить и хочет, чтобы мы в тот момент находились на месте, – с уверенностью сказал Гуров. – Мы обязаны держаться и ждать, только когда человек бухнется головой о каменную стенку, у него не возникнет сомнений, что дорога окончена.

– Опомнись, здесь не стенка – здесь автоматная очередь в грудь.

– Прекрати на меня наскокивать. Надо – и будешь ждать, – отрезал Гуров. – Сейчас мы едем в город. Ты – в магазин, я – к своим бывшим приятелям. Зачем? Не знаю. Но необходимо двигаться, стоя или сидя на одном месте, никакого

результата добыть невозможно. Я выразился ясно? Сними мундир, надень пиджак и плащ майора. Напиши ему записку, хотя я убежден: мы вернемся раньше, чем он проснется.

Они сели в «Ауди», когда подъехали к шлагбауму, сторож неторопливо вышел на крыльцо с двустволкой в руке.

– Михалыч, кто будет спрашивать – вернемся часа через два, – приспустив окно, сказал Стас.

– Лады, господин полковник. – Мужик улыбнулся. – Гляжу, ты замаскировался, а тачку твою все одно каждый деловой знает.

– Ну и пусть, – засмеялся Стас. – Мы в законе.

– Быстро трезвею, Станислав. – Сторож закурил. – Разрешите зайти, стакан принять?

– Да ради бога. Бывай.

Сторож проводил машину взглядом, вытащил из-под куртки телефон, набрал номер и сказал лишь одну фразу:

– Выехали в город, вроде бы на пару часиков.

Эту фразу слышали и сыщики в машине. Гуров отключил аппарат, сказал:

– Служит.

– Иначе нельзя, условия жизни такие.

В городе, несмотря на три прошедших года, Гуров ориентировался прекрасно. Проехали здание цирка, которое нынче не было ни праздничным, ни веселым, остановились через два дома.

– Ты видел город? – спросил Стас.

– Палатки словно в Москве – «сникерсы», бутылки, цветы, внутренняя подсветка, а людей нет.

– Только три часа, – задумчиво произнес Стас.

– Позже будет еще меньше, – убежденно сказал Гуров. – Видишь, между палатками шныряют то ли дети, то ли карлики?

– Люди идут согнувшись и не шныряют, а ползают, на земле ищут. Интересно, за счет чего палаточники живут?

– Снова рассуждаешь. Отправляйся в универмаг, купи одежду, посмотри людей, – сказал Гуров, но Стас не двигался, словно не слышал.

– Ты сказал интересное слово «купи», подразумевается, что у меня имеются деньги.

– Извини, забыл. – Гуров достал из кармана конверт, полученный от Бунича, вынул пачку сотенных долларовых купюр. – Обменяешь. А мне отдай всю свою отечественную личность.

Стас вынул бумажник, уложил в него доллары, выгреб стопочку командировочных, передал другу и съехидничал:

– И ни в чем себе не отказывай.

– Через час на этом месте. Стас, учти, приказываю – не связывайся ни в какие скандалы и драки, если даже при тебе станут убивать.

Гуров выпрыгнул из машины, подошел к ближайшему магазинчику, взглянул на витрину, перешел в соседний. За прилавком скучала белокурая девица, из-за портьеры доно-

силась чужая гортанная речь.

Увидев Гурова, девица перестала заниматься ногтями, распахнула ресницы, прогнулась в талии, выставив грудь. Хвастаться девушке было чем, бретельки грозили вот-вот лопнуть.

– Здравствуй, дочка, и выдохни, я по достоинству оценил твое богатство.

– Здравствуйте, господин, что желаете?

– Я желаю Ахмеда, Жорика и Сулико, в общем, хозяина, – ответил Гуров и погладил девушку по пышному плечу.

– Что-нибудь не так? – Девушка призывно облизнула губы.

– Все как следует, красавица. – Гуров вновь улыбнулся.

– Минутку. – Продавщица скрылась за портьерой, гортанные голоса зазвучали громче, затем в зал вышел молодой парнишка с ниточками усов над верхней губой.

– Чего шумишь, что тебе? – Парнишка подбоченился, из-под полы выглянула рукоять пистолета.

Гуров помолчал и посмотрел на пацана своим «нехорошим» взглядом. Малый съежился, оправил пиджак, жалко улыбнулся.

– Чего желаете?

Выдержав паузу, Гуров сказал:

– Отца позови.

Юноша исчез, появилось взрослое лицо «кавказской национальности», впилося в единственного покупателя цеп-

ким взглядом, явно решая: как держать себя с неизвестным? Гуров помог ему самым простым способом.

– Добрый день, дорогой хозяин! – Он поклонился. – Держать себя со мной лучше уважительно. обойдется значительно дешевле, да и врачи не понадобятся. Я не имею чести знать, к какому народу ты принадлежишь, но я кланяюсь твоим предкам, живым и усопшим, и уверен, что ты достоин своего славного рода.

Хозяин часто кивал, все более понимая: кем бы незнакомец ни был, с ним следует держаться уважительно.

– Я слушаю вас, уважаемый, – тихо проговорил он.

– Скажи мальчику, чтобы он убрал «ГТ» из-за пояса, тем более что в нем нет обоймы, – лениво сказал Гуров и присел на прилавок.

Хозяин что-то крикнул на своем гортанном языке, и в зал мгновенно внесли кресло, в которое и пересел Гуров. Закурив, он произнес:

– У меня небольшие сложности, надеюсь, ты сможешь их разрешить. Я в вашем городе гость, вечером ко мне придет человек. Большой человек. Я должен его угостить, мне нужны коньяк, водка, виски, джин.

– К вашим услугам, уважаемый. – Хозяин махнул рукой на стену, уставленную разноцветными бутылками.

– Ты не понял меня. – Гуров устало вздохнул. – Я же тебе сказал: ко мне зайдет большой человек. Он попробует твое пойло, спросит, где я его взял, и к утру твоя лавочка и все,

что стоит в этом ряду, сторит. Повторяю, мне нужны водка, коньяк, виски, шоколад.

– Понял, все понял. – Голова хозяина мелко затряслась, он что-то закричал, за портьерой раздались топот, возня.

Хозяин несколько раз убегал, возвращался, показывал Гурову бутылки, сыщик даже не поднял головы, лишь сухо сказал:

– Я не знаток, и мне лично беспокоиться нечего. Ведь это твоя голова, а не моя.

Наконец собрали ящик бутылок разного калибра, положили несколько коробок шоколадных конфет.

– Посчитай. – Гуров вытащил стопку российских денег, понял, что их не хватит, достал из внутреннего кармана пачку долларов.

– Аллах! – Хозяин замахал руками. – Это мой подарок. Шайтан меня забери, если я возьму деньги.

– Тебе виднее. – Гуров положил в карманы бутылку водки и бутылку коньяка, две плитки шоколада. – Я отпустил машину, приеду через час. – И, не поклонившись, вышел.

Я ничем не отличаюсь от рэкетиров, рассуждал Гуров, подходя к подъезду Классика, когда увидел, как от дома отделилась темная фигура. Сыщик мгновенно шагнул к столбу, почувствовав в руке холод «вальтера».

– Лев Иванович, – тихо произнес незнакомый мужчина, – вам маленькая бандероль от Петра Николаевича. Я сегодня улетаю. Что ему передать?

– Я его люблю... и пусть не хоронит на Ваганьковском. Я не заслужил.

– Понял. – Мужчина протянул Гурову целлофановый пакет и скрылся.

Судя по форме и весу, в пакете лежала книга. Гуров вздохнул, позвонил в дверь. Вспомнил, что и три года назад звонок не работал, вошел в подъезд, постучал в квартиру направо – там обитал Классик.

– Входи, Лев Иванович, знаешь, что дверь не запирается, – раздался на удивление знакомый молодой голос.

Гуров увидел Классика и Сильвера, которые неторопливо пили чай. В комнате ничего не изменилось: та же китайская ширма, загораживавшая необъятную кровать, рядом с ней манекен во фраке и цилиндре, буфет времен покорения Крыма. Только лицо хозяина как бы помолодело, и глаза стали еще больше. А вот Сильвер абсолютно не изменился, так же хитро косил и ухмылялся своим мыслям.

Гуров молча выставил на стол бутылки, положил конфеты, снял плотную куртку, переложив «вальтер» в карман пиджака.

– Здравствуйте, ребята, рад вас видеть, – сказал он и сел к круглому столу.

Классик кивнул, а Сильвер хриплым голосом ответил:

– Привет, сыщик. Мы тоже рады, но были бы в восторге, если б ты принес хлеба и колбасы. Колюня второй год не потребляет, а я так, изредка, без особого желания.

– Я тоже могу, – словно оправдываясь, заметил Классик. – Но как увижу Капитана, стакан из рук выскользывает.

– А что с Алексеем Ивановичем? Я ему звонил, так, верите, не узнал меня. Болеет?

– Болеет. – Классик кивнул. – Чем и я болел, только меры не знает, организм стал совсем плохой. Считанные дни остались.

– Так он же в рот не брал! – воскликнул Гуров.

– Как жену с сыном бандиты грохнули, так и взял сразу же. А у него, как у меня, наследственный алкоголизм. Они в очереди стояли, а подонки эти проезжали и из автомата, потехи ради... А! – Классик махнул тонкой рукой.

– А если работать его заставить? – спросил Гуров.

– Где она, работа? И где ваша гребаная власть, господа демократы? Убиваете Россию! Расстреливаете потехи ради! Мы тебе верили, сыщик. Мы с голодудохнем, а ты являешься с коньяком и шоколадом! – На лице Классика проступили красные пятна. – Меня девочки кормят, утренние «бабочки», помнишь, они погреться залетали? А Сашка на клочке земли горбится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.